

А. Я. Живой

Великий больной

Текст предоставлен изд-вом <http://litres.ru>

Алексей Живой

Великий больной

Рассказ

Утро пришло внезапно. Калыван Сю, бизнесмен-одиночка, осторожно открыл глаза и попытался припомнить свой сон, стараясь не смотреть на старательно занавешенное окно. Его сосед по лестнице Федот Иванович Курултай Ага, большой знаток древностей, гаданий, и всякой потусторонней литературы, в числе которой была газета «На дне», как-то рассказывал, что во сне человеку приходят посылы и предостережения из того мира. А приходят они затем, чтобы человека предупредить. Присылают их всякие разные духи. Увидел ты во сне, например цветок распускающийся, значит, будет сегодня радость какая-то. А если тебе черная корова показалась – жди беды или болезней. А если корова эта тебе еще и улыбнулась напоследок или хвостом махнула, – то лучше и не просыпаться.

В общем, как говорил Федот Иванович Курултай Ага, если ты не дурак-человек, то разберешься что к чему и сделаешь выводы – как тебе вести себя весь день. Только помнить надо, если глаза открыл, в окно смотреть сразу не стоит, враз все забудешь. Дневного света видения бояться. Ну, а забыл, – так и мыкайся весь день, как турист в лесу без карты. Большого ума был Федот Иванович, жаль, только, помер недавно, – хватил лишний стакан «Тройного» и кони двинул от передозировки.

Минут пять Калыван мысленно разбирался со знаками судьбы, явившимися ему этой ночью во сне. Знаков было немного, но все они показались ему судьбоносными, предвещавшими скорые изменения к лучшему в судьбе Калывана. Это был ржавый паровоз, на котором Калыван в форме французского матроса ехал в Нижний Тагил на проведение промо-акции «Кока-Колы», лакированное потрескавшееся пианино с сине-желтыми клавишами и японский каратист, руками коловший дрова на его, Калывана, собственной даче под Питером. Причем, сам Калыван в это время спокойно покуривал в сторонке, периодически подкидывая неутомимому каратисту полешек и почесывая нывшую третий день поясницу. По всему выходило, что скоро ждут господина Сю дальнее увлекательное путешествие, во время которого шампанское будет литься рекой, а деньги сыпаться дождем. И ради всего этого ему не придется пошевелить даже пальцем, подтверждением чему был японский каратист. Не укладывалась в прогноз только нывшая поясница. Но Калыван решил, что это случайность.

Придя к такому жизнеутверждающему для себя выводу, господин Сю вылез из постели и, позевывая, побрел на кухню. Жена, уходившая на работу раньше, уже испарилась, оставив после себя запах духов и теплую сковородку, на которой еще недавно была яичница.

Немного постояв на кухне, Калыван принял решение для начала посетить туалет и умыться. С наслаждением брызгаясь холодной водой, он внимательно разглядывал в зеркале свою слегка опухшую после вчерашнего пива физиономию. «Странный у меня какой-то цвет кожи, – решил, наконец, Калыван, не здоровый какой-то...» Его взгляд сполз на грудь и живот. «...и эти пятна коричневые...много их что-то...говорят, если много родинок, значит печень больная...» Он приблизил лицо к зеркалу и обследовал зрачки. «Да и зрачки не белые, а скорее желтые какие-то...желтые?!...О, Боже...может врачу показаться?»

Калыван в ужасе отпрянул от зеркала, замахал на себя руками, и опять пошел на кухню. По дороге его неотступно преследовала мысль, не болен ли он желтухой, и как долго длиться у этой болезни инкубационный период. Может быть, от цыплят заразился? В

дневной жизни Калыван Сю был бизнесменом, торговал живыми цыплятами оптом. Иногда это у него даже получалось, и он приносил домой деньги. Иногда даже большие. Но чаще он эти деньги уносил. Поэтому семейный бюджет состоял на восемьдесят процентов из тех денег, которые приносила домой жена, работавшая менеджером по связям с общественностью и не претендовавшая на гордое звание бизнесмена. Как однажды Калыван определил эту жизненную ситуацию в разговоре с почившим от одеколона Федотом Ивановичем – «Я, Федот, бизнесом занимаюсь, а жена деньги зарабатывает».

Как ни надеялся господин Сю в глубине души на чудо, – завтрака на столе так и не появилось. Он вздохнул, отогнал мысли про желтуху и, чтобы хоть как-то развеселить желудок, стал варить себе кофе. Вдыхая пары африканского зелья, господин Сю вдруг вспомнил об ужасном вреде этого напитка. На днях, ожидая машину с новой партией цыплят, он вычитал в одном медицинском журнале, что кофе вызывает ишемическую болезнь сердца, атеросклероз, остеопороз и повышает уровень холестерина в крови. Более подробной информации о болезнях в журнале почему-то не оказалось, поэтому Калыван вынес для себя из статьи только то, что если пить кофе, то сердцу будет плохо из-за холестерина. Хотя что-то его в этом смущало, ибо в обширной памяти бизнесмена хранилась информация о том, что холестерин как-то связан с яйцами, а яйца с сальмонеллезом. Ну а сальмонеллез имеет отношение к коровам. Что же в конечном итоге вредно, и для какого органа больше, из этой логической цепочки понять пока не удалось.

Немного поколебавшись, Калыван все же налил вредный напиток в чашечку и разбавил сливками, предварительно их понюхав, – как никак хранились в холодильнике уже целую неделю, мало ли что там могло завестись. Бактерии кругом. Телевизор ежедневно предупреждал о новых атаках вредных микроорганизмов, предлагая бороться с ними различными видами мыла и новейших пылесосов, уничтожавших все живое в радиусе пяти километров.

Пора было выбираться на работу. Офис господина Сю располагался в задней части одного из складов в промзоне Парнаса. На этом же складе в случае необходимости хранились живые цыплята, до тех пор, пока за ними не приезжал покупатель.

Чтобы отвлечься от разных странных мыслей Калыван включил радио и попытался подумать о приятном. Самым приятным пока были сегодняшние предзнаменования во сне, согласно которым скоро случится много хорошего. Эти мысли быстро настроили господина Сю на лирический лад, но неожиданно из радиоприемника прозвучали загадочные и потусторонние сигналы – начался гороскоп. Как вскоре выяснилось, стартовали пятьдесят седьмые лунные сутки, в течение которых всем следовало больше пить жидкости, поменьше заниматься делами, избегать кактусов и чаще смотреть под ноги. «Весам», к которым относился Калыван, ни в коем случае не следовало ходить на работу, ибо там, или по дороге туда, они могли внезапно заболеть инфекционным заболеванием. А в остальном, как всегда, день складывался благополучно.

Калыван посмотрел на свои руки, ему показалось, что кожа на руках уже начинала желтеть. Господи Сю послушал свое сердце, – оно тоже явно пошаливало, пытаясь сбиться с привычного ритма. «Ну, что ж, – сдался Калыван, подумав о партии цыплят, которая через пару часов должна была прийти на склад, – придется сходить к врачу, работа подождет, здоровье дороже».

В поликлинике народу было больше чем в метро в час пик. «Странные люди, думал Калыван, пробиваясь к кабинету кардиолога сквозь агрессивную толпу бабулек, дедулек и разношерстной молодежи, чего они все здесь делают? Столько энергии тратят зря, работать надо или дома сидеть, а они все сюда приперлись, как будто заняться больше нечем».

Отстояв около часа в очереди, измученный и уставший, господин Сю ввалился в кабинет к врачу и рухнул на стульчик рядом с пожилым человеком в белом халате. Врач посмотрел на карточку, затем на господина Сю и спросил:

– Сколько вам лет?

– Двадцать семь.

Врач снова посмотрел на карточку Калывана, которая была толщиной около двух сантиметров, и уточнил:

– Болеете?

– Не знаю, доктор, – ответил Калыван со вздохом, посмотрев на свои руки.

– На что жалуетесь? – спокойно продолжал доктор.

– Мне кажется, что у меня больное сердце, доктор, – заговорил Калыван, – как-то оно стучит не так.

Доктор еще раз смерил посетителя внимательным взглядом и пробормотал:

– Угу, значит не так. Курите?

– Нет.

– Пьете? Одышка есть? Головокружения?

Калыван задумался.

– Пью, иногда конечно, а одышка...не знаю. А как она должна проявляться?

– Вы, на каком этаже живете? – зашел кардиолог с другой стороны.

– На десятом.

– Отлично. Лифт всегда работает?

– Почти совсем не работает.

– Ну и что вы чувствуете, когда наверх поднимаетесь?

Калыван подумал немного, вспоминая ощущения.

– Чувствую, что мне хочется убить электромонтера.

– Ну, это милейший не ко мне, – сказал кардиолог, – это к психотерапевту. Сорок третий кабинет налево по коридору.

– Устаю сильно, – вспомнил Калыван, – особенно когда рюкзаки по 30 килограмм перетаскивал, теща попросила. И есть после этого очень хочется.

– Понятно, – кивнул кардиолог, сбросив взгляд на толщину карточки, – типичный случай. Придется сделать кардиограмму.

Когда через десять минут все было кончено, и Калыван получил назад свою карточку с прикрепленной к ней лентой «ЭКГ», то с удивлением обнаружил на ней штампик «ЭКГ без патологий». Он взглянул на доктора и спросил.

– Как же так, доктор, а что же у меня с утра...сердцебиения и так далее...?

Пожилой доктор посмотрел на господина Сю поверх очков и проговорил:

– Пейте валерьянку, милейший, побольше бывайте на воздухе и поменьше думайте всякие гадости. Все, следующий!

Ничего не понимая, Калыван стоял в коридоре поликлиники и озирался по сторонам. «Как же так, «без патологий»! – думал он, – этого просто не может быть. Я же точно ощущал...Или, врут все про кофе?». Его блуждающий взгляд наткнулся на табличку «Дерматолог». Калыван с надеждой взглянул на свои руки, подумал «Ну, раз уж я здесь» и шагнул в очередь. Через полчаса он открыл дверь в кабинет и вошел.

– Что с вами? – спросил Калывана бородатый дерматолог, заполняя направление предыдущему посетителю, уныло смотревшему сквозь окно.

Калыван протянул вперед свои руки.

– Вот, – сообщил он, – мне кажется, что они желтеют.

Врач на секунду оторвался от заполнения направления и скосил глаз на руки Калывана.

– И давно?

– С утра.

– В таком случае у вас еще осталось немного времени.

Калыван моргнул и вспотел.

– Доктор, это серьезно?

Дерматолог неожиданно расхохотался и кивнул на унылого посетителя, смотревшего в окно.

– Вот у него серьезно, да и то жить будет. А вот вы бы лучше не отнимали у меня время и не совали мне под нос свои нормальные белые руки. А шли бы себе работать.

Калыван опешил.

— Как же белые, доктор, когда они желтые?

Доктор помолчал несколько секунд и ответил.

— Да Вы ошиблись дверью, товарищ, вам, по-моему, к окулисту. Вы же дальтоник. Это я вам и без окулиста скажу. Но для точности — его дверь почти рядом.

— Доктор, — не сдавался Калыван, — а может на анализы?

Дерматолог был опытный и не стал спорить. Он выписал направление и счастливый Калыван побежал сдавать все, что надо. Сдав все это и уточнив, что ответ будет уже завтра, господин Сю, уже собирался покинуть стены лечебного заведения, как наткнулся на дверь с табличкой «Окулист» и остановился как вкопанный. Посмотрев на свои руки, а потом снова на дверь, Калыван призадумался. Дверь была белая, табличка синяя. Народу всего три человека. Господин Сю заколебался. Но, решил что здоровье дороже, а цыплята подождут, устроился четвертым в очередь, благо пускали без номерков.

Наконец, когда из двери показалась древняя бабуля в огромных очках, Калыван нетвердой походкой шагнул через порог и оказался в кабинете окулиста. Справа на стене висела с детства знакомая таблица из разнокалиберных букв, слева у стола сидела пожилая женщина в белом халате. Бегло взглянув на Калывана, она уточнила строгим тоном:

— Мужчина, если вы на шоферскую комиссию, то она по пятницам.

Калыван робко оглянулся еще раз по сторонам.

— Да нет, я так, зрение проверить. Что-то оно у меня расфокусировалось, кажется.

Цвета путаю.

Женщина-врач отложила свою писанину, и пристально взглянула на Калывана.

— Что у вас расфокусировалось? Так вы видите плохо или цвета не различаете?

Калыван пожал плечами, протягивая карточку.

— Да я и сам не знаю.

— Садитесь на стул напротив стены и закройте правый глаз рукой, — приказала женщина-врач, — читайте самую нижнюю строчку.

Калыван опустился на стул, закрыл рукой глаз, и попытался прочесть то, что было написано на белом листке, приkleенном в самом низу таблицы.

— «Не забыть купить помидоры, килограмм огурцов и курицу...»

— Ой, — всполошилась женщина-врач, — это я себе прилепила на видное место, чтоб не забыть. Извините!

Она подбежала к таблице и оторвала белый листок, испещренный мелким корявым почерком.

— Вообще то, не хорошо читать чужие письма, — пожурила она посетителя, сев на свое место, — Но, могу вас успокоить, со зрением у вас все в порядке, раз вы смогли мои каракули разобрать с такого расстояния. Я сама их часто не понимаю. Напишу, а потом сижу, и прочесть не могу. И что это я написала?

— Если хотите, — предложил услужливый Калыван, — я могу перевести. Там у вас еще про хлеб было и папиросы...

— Спасибо, не надо, — покраснела женщина-врач, — Вы надеюсь, не до конца успели прочесть?

— Нет, — грустно согласился Калыван.

— Продолжим. Вы там еще на дальтонизм жаловались. Какого цвета это яблоко? — спросила она, продемонстрировав посетителю большое спелое яблоко из своей сумки.

— Красное, кажется, — неуверенно проговорил Калыван, быстро взглянув на свои руки, — хотя, я, конечно, могу ошибаться.

— Можете. Но, не ошибаетесь, — уверила его докторша, — это действительно большое красное яблоко. Так что у вас и с этим все нормально. Ешьте побольше морковки и не читайте по ночам под одеялом с фонариком. Тогда будет все хорошо.

— Доктор, — посетовал напоследок сильно разочарованный Калыван, уже стоя в дверях, — а еще у меня иногда двоиться в глазах. Кажется. И мушки черные летают, когда я

на солнце смотрю.

Женщина-врач вперила в него строгий прощальный взгляд.

— Вы что, ненормальный? Ну, кто же смотрит прямо на солнце? Вам после этого не только мухи покажутся. Никогда не смотрите на солнце и мух не увидите. А если в глазах двоится, так это к ортопеду или хирургу. Хандроз лечите. Он сейчас заразный пошел. У всех есть. Все. Ешьте морковку. Следующий!

Воспрянувший духом Калыван всего за пятнадцать минут умудрился пробиться к хирургу, который по совместительству был ортопедом и еще курировал лечебную физкультуру. Это был невысокий седовласый крепыш.

— Доктор, — радостно сообщил Калыван, врываясь в кабинет, — у меня болят ноги и руки. А еще двоится в глазах и голова кружится, когда в шее покалывает.

— Угу, — пробормотал доктор себе под нос, — снимайте обувь, рубашку и постарайтесь встать прямо. Ноги в месте. Угу.

Калыван выполнил все требования, и теперь стоял босой и счастливый посреди кабинета. Хирург обошел его кругом, что-то рассматривая. Провел пальцем по спине сверху вниз.

— Угу, — поды托жил он свои наблюдения, — закройте глаза и коснитесь кончиком пальцев своего носа.

Калыван осторожно, боясь попасть себе в глаз, дотронулся до носа.

— Угу, — сказал доктор и теплым шершавым пальцем потрогал шею Калывана, — вы часом, милейший, дверные косяки не задеваете?

Калывана прошиб холодный пот надежды.

— Регулярно, доктор. Я в дверь не могу войти с первого раза. То одним плечом ударюсь, то другим.

— Угу. Бывает, бывает, — сказал доктор, — возможно, у вас одна нога чуть короче другой. Но, это пока только гипотеза. Хотя у всех нас что-то одно короче другого.

— Доктор, — уточнил Калыван, — а это опасно? Это что же получается, я тогда должен все время по кругу ходить? То есть мне теперь, что бы прямо ходить, придется все время курс контролировать?

— Угу. Хотя не обязательно. Вы довольно прямо просочились в дверь и косяк наш пока в порядке, так что у вас это не смертельно. Можно жить и так. Тем более, что в организме человека много метаморфоз. Вот, например, за день наш скелет укорачивается от ходьбы, а за ночь восстанавливается. Вот так. Угу. Подумаешь одна нога короче. Хотите, можем вторую подрихтовать до нормы?

Последние слова хирург произнес с большой теплотой и любовью, поглядывая на блестевшие в металлическом ящичке инструменты.

Калыван мгновенно оделся.

— Спасибо, доктор, — ответил он, пяясь задом из дверей, — я как-нибудь так переконтуюсь. Пока вроде не плохо выходило. До свидания.

— Заходите, милейший, — попрощался с ним седовласый крепыш, снова бросив взгляд на инструменты.

— Угу, — кивнул Калыван, закрыв за собой дверь.

Уже минут десять Калыван стоял на лестнице у входа в поликлинику, осторожно щурился на солнце, и колебался по поводу дальнейших действий. С одной стороны посещение хирурга вселило в него уверенность, что пока жить можно, несмотря на ногу. С другой стороны оставались недообследованными печень, почки, легкие (там слышались какие-то хрипы, кажется), ухо-горло-нос, ну и, конечно, желудок. Не стоило забывать также о внезапных напастях: артрите, артрозе, склерозе, гангрене, туберкулезе, сальмонеллезе, остеохондрозе и прочих, названия которых были такими сложными, что Калыван не мог вспомнить их сразу.

— Мужик, дай закурить, — в двух шагах от него остановился какой-то занюханный бомж, опирающийся на костиль.

– Не курю, – отрезал в задумчивости Калыван, пытаясь заткнуть нос, чтобы не впитывать благоухание нежданного соседа. Он размышлял о том идти ли завтра за результатами анализов. Поскольку выходило, что руки-то все же были белые, а не желтые, то и смысла особого в этом уже не было.

Бомж прикурил у другого ханыги, проходившего мимо, пыхнул дымком, прищурился на солнце, и снова обратился к одиноко стоявшему Калывану, хитро подмигнув ему.

– Здоровье бережем? Кто не курит и не пьет...

– Блин, да пью я, иногда и побольше чем ты, – оборвал его Калыван Сю, раздосадованный тем, что никак не мог принять судьбоносное решение идти ли завтра за анализами.

– А чего ж ты тогда здесь делаешь, мил человек? А ли болит чего?

Калыван внимательно послушал свое сердце, потом посмотрел на руки, медленно опустил взгляд на ноги в черных ботинках.

– Да вроде бы все в норме, – разочарованно пробормотал он, – даже целлюлита нет.

– Был бы больной, – рассудительно заметил бомж, – а болезнь найдется. Ты бы принял сто грамм и на душе веселее станет.

– Отвали алкоголик, – сказал Калыван и зашагал в сторону дома. Пройдя двадцать шагов, он остановился, обернулся к балдевшему на крылечке бомжу и сказал, – а знаешь, мужик, ты, кажется, прав.

По дороге домой Калыван Сю принял судьбоносное решение.

22 августа 2002 года.